

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И ЦЕРКВИ
В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ В КОНЦЕ 1920-х – НАЧАЛЕ 1930-х гг.
(НА МАТЕРИАЛАХ ПЕНЗЕНСКОГО ОКРУГА
СРЕДНЕ-ВОЛЖСКОЙ ОБЛАСТИ)¹**

Аннотация.

Актуальность и цели. В современном мире существует большое количество этноконфессиональных проблем. В связи с этим возрастает значение взаимоотношений государства с различными конфессиями. Именно поэтому обращение к изучению исторического опыта взаимоотношений власти и религиозных организаций является актуальной проблемой. Цель исследования – проанализировать пути и способы взаимодействия Советского государства и церкви в конце 1920-х – начале 1930-х гг., выявить основные факторы, влиявшие на методы и результаты проводимой политики.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования документов из фондов Государственного архива Пензенской области, а также анализа научной литературы по проблеме. Методологическую основу исследования составляют принципы объективизма и историзма. Для достижения поставленной цели были использованы сравнительно-исторический, историко-ситуационный методы. Последний предполагает изучение исторических фактов, исходя из условий изучаемой эпохи.

Результаты. Исследованы способы взаимодействия представителей советской власти и церкви в конце 1920-х – начале 1930-х гг. на примере Пензенского округа Средне-Волжской области. Выявлены факторы, влияющие на характер отношений между местной властью и церковью. Проанализировано влияние религиозности сельского населения на результаты конфессиональной политики Советского государства.

Выводы. Взаимоотношения представителей советской власти на местах и церкви в сельской местности в указанный период могли варьироваться от конфронтации до взаимовыгодного сотрудничества. Основными факторами, влиявшими на результаты проводимой политики, являлись: религиозность населения, личностные качества и мировоззрение представителей советской власти и церковных организаций.

Ключевые слова: религия, церковь, идеология, Пензенский округ, Средне-Волжская область.

А. А. Gushchin

**RELATIONS BETWEEN THE SOVIET GOVERNMENT
AND THE CHURCH IN THE RURAL AREA FROM 1920-s
TILL LATE 1930-s (BY THE MATERIALS OF PENZA DISTRICT
IN MIDDLE VOLGA REGION)**

Abstract.

Background. There are a lot of ethno-confessional problems in the modern world. As a result, the significance of relations between governments and different

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Региональные аспекты формирования российской нации» № 15-31-14003.

confessions is increasing. Therefore, a historical study of the interaction between governments and religious organizations is urgent nowadays. The aim of the research is to analyze the ways of interaction between the Soviet state and the Church from late 1920-s till early 1930-s, to find out main factors that influenced methods and results of the policy conducted.

Materials and methods. The research tasks were implemented through the use of documents from the collections of the State Archive of Penza region, as well as an analysis of the scientific literature on the issue. The methodological basis of the study included the principles of objectivism and historicism. Comparative-historical, historical-situational methods were used to achieve the aim. The latter involved a study of historical facts on the basis of the conditions of the period under investigation.

Results. The author investigated ways of interaction between representatives of the Soviet government and the church from late 1920-s till early 1930-s by the example of Penza District of Middle Volga region. The researcher identified the factors affecting the nature of the relationship between the local government and the church and the influence of religiosity of the rural population on the religious policy of the Soviet state.

Conclusions. Relations between the soviet state and the church in the rural area during late 1920-s – early 1930-s could vary from confrontation to cooperation. The main factors that affected the results of the policy were: religiosity of people, personalities and world views of representatives of the Soviet government and the church.

Key words: religion, church, ideology, Penza district, Middle Volga region.

Церковь была идеологическим и политическим конкурентом для советской власти. После революции советской власти необходимо было создать нового, «советского человека», изменить мировоззрение людей, чтобы они поддерживали и воплощали в жизнь цели и задачи Советского государства. Культурная революция предполагала не только изменение в религиозной сфере, но и в национальной. При Пензенском губкоме РКП(б) вскоре после революции было создано специальное бюро «татарских коммунистов-большевиков» [1, с. 39]. После революции 1917 г. новая власть пыталась изменить социально-экономическое устройство страны, что не могло не затронуть экономические интересы церкви. Декрет о земле лишил церковь собственности на землю, образование стало прерогативой государства, а во время голода в начале 1920-х гг. принудительно изымались церковные ценности [2, с. 224].

Борьба с церковью была сложной задачей. Религия – это не просто вера в сверхъестественное, но и часть самосознания людей, часть самоидентификации. Поэтому церковь и советская власть вынуждены были адаптироваться друг к другу, идти на компромиссы.

После революции у церкви появился сильный идеологический конкурент. Церковь была вынуждена приспосабливаться к новым социально-экономическим и политическим реалиям. Отмечалось, что в Средне-Волжской области в конце 1920-х гг. в работе религиозных организаций было видно «всяческое стремление внешне, для виду, демонстрировать свою солидарность с советской властью. Особенно это заметно в среде обновленцев» [3, л. 3]. В некоторых местах обновленцы проводили как старые религиозные праздники, так и новые коммунистические. Также они просили разрешения на создание в церквях кружков политграмотности. Муллы старались примирить Коран с современностью, доказать, что коммунизм это – сколок с учения Магомета [3, л. 3].

Однако церковь оставалась идеологическим конкурентом советской власти. В 1929 г. так описывались характерные для духовенства явления: агитация среди населения и детей с целью укрепления религиозности, организация «братств» и «сестричеств», антисоветская агитация против сельскохозяйственного налога, самообложения, хлебозаготовок, будирование масс в защиту духовенства и против налоговой политики советской власти, участие духовенства в кулацких группировках [4, л. 89].

Советская власть была не в силах полностью избавиться от религиозных организаций, мгновенно изменить сознание людей. Антираелигиозная работа Союза воинствующих безбожников в конце 1920-х гг. в Средне-Волжской области сводилась почти исключительно к постановке массовых докладов и лекций [3, л. 3]. Некоторые исследователи отмечают, что в 1923 г. произошел поворот к «религиозному нэпу» по причине того, что проведенные массовые антицерковные мероприятия только частично достигли своих целей [5, с. 79]. 16 августа 1923 г. было выпущено циркулярное письмо ЦК РКП(б) «Об отношении к религиозным организациям», где говорилось о недопущении перегибов в антирелигиозной политике, в том числе предлагалось запретить аресты религиозного характера и «воспретить закрытие церквей» [6, с. 414–418]. Основной упор предполагалось сделать на антирелигиозную пропаганду и агитацию. Показательно, что в 1928 г. на массовую антирелигиозную работу в Пензенском округе было направлено 500 человек, а актив священнослужителей, сектантов доходил до 2 тысяч человек [3, л. 36 об., 37].

Согласно отчету об антирелигиозной работе в Пензенском округе за 11 лет после революции в бывшей Пензенской губернии было закрыто 30 церквей и монастырей. К 25 марта 1926 г. сложили с себя сан 29 попов [3, л. 9]. К 1929 г. в Пензенском округе имелось 395 «тихоновских» церквей, из которых 6 в г. Пензе; 12 обновленческих церквей, из них 8 в г. Пензе; 10 старообрядческих и сектантских молитвенных домов; 1 церковь баптистов; 1 церковь евангелистов; 29 мечетей. Служителей культа всех вероисповеданий и толков было 898 человек, а членов приходских советов почти 4500 [3, л. 9, 10]. Только с 1930-х гг. советская власть начинает активное наступление на церковь. Массовые закрытия церквей в 1930-х гг. привели к тому, что верующие шли в ту церковь, которая уцелела [7, с. 156].

Религиозность мировоззрения людей влияла на их восприятие происходящих событий. На местном уровне это являлось важным фактором взаимодействия советской власти и церкви. Даже в Пензе среди школьников в конце 1920-х гг. неверующих было чуть больше половины [3, л. 21]. И это если допустить, что в анкетировании они отвечали честно. А в сельской местности население в этот период оставалось по-прежнему религиозным.

Один из наиболее ярких примеров религиозности – это реакция сельских жителей на приезд Эйзенштейна. Так, в докладной записке в окружном от 30 октября 1928 г. отмечалось, что во время приезда Эйзенштейна летом в село Невежкино Чембарского района, чтобы снять кадры для фильма «Генеральная линия», женщины разбежались, им под кожаными перчатками померещились «крючья антихриста», т.е. когти [3, л. 35]. При этом в селе проживало около 12 000 человек, на которые приходилось 3 церкви, 6 партийцев и ни одного комсомольца [3, л. 35].

Еще один характерный случай произошел в 1929 г. в с. Бардинке Пензенского района. Во время конфликта учителя с церковным старостой из-за предложения отдать школе церковные земли реакция местных жителей была показательна: «Не нужно отдавать землю школе, учитель только развращает детей, он не велит ходить детям в церковь» [8, л. 146]. А когда дело дошло до применения силы, женщины выкрикивали: «Бей его, он устраивает стенгазеты, отвлекая наших детей от церкви, он враг крестьянства» [8, л. 146].

В том же году 10 июня в с. Шукша Лунинского района местным священником было организовано с разрешения сельсовета молебствие по случаю прошедшего дождя. После толпа направилась к зданию сельсовета с целью добиться освобождения священника от вывоза хлебных излишков, мотивируя это следующим: «Ведь наш батюшка не в состоянии уплатить такого количества хлеба, мы боимся, как бы он поэтому не ушел от нас, и тогда мы останемся без попа и будем нехристь» [8, л. 153, 154]. А 28 октября в Башмаковском районе, когда попа арестовали по подозрению в поджоге, женщины заявляли: «Мы за своих мужей и сыновей не ручаемся, а за попа ручаемся, поэтому настаиваем на немедленном освобождении» [8, л. 158]. Приведенные примеры показывают, насколько важной частью жизни для крестьянства продолжала оставаться религия.

Взаимоотношения Советского государства и церкви, прежде всего православной, выстраивались непросто. При этом необходимо учитывать, что на местном уровне взаимоотношения установившейся советской власти и церкви во многом зависели от межличностных отношений. В сельской местности это проявлялось наиболее характерно. Здесь на взаимоотношения между сельсоветом и церковью влияли прежде всего личностные качества, убеждения как председателя сельсовета, так и религиозных деятелей. Важными факторами являлись и религиозность населения, его отношения с церковнослужителями и сельсоветом.

Напряженность в отношениях особенно сильно возросла во время коллективизации, раскулачивания, когда под различными предлогами некоторые представители местных властей пытались закрывать церкви, арестовывать священнослужителей. Это значительно обостряло и без того сложную ситуацию, усиливало социальный протест в деревне.

Так, с 1 января по 1 мая 1930 г. на территории Пензенского округа произошло 64 массовых выступления, из них 40 – «на почве коллективизации и искривления линии партии по колхозному строительству», 24 – из-за закрытия церквей, религиозного фанатизма, ареста попов [8, л. 172, 173]. Причинами этих выступлений были налоги на церковь и духовенство, аресты духовенства, закрытие церквей, снятие колоколов, переоборудование церкви под просветительские учреждения. Во многом такое происходило из-за перегибов сельсоветов [8, л. 174].

Можно привести немало примеров конфликтов на местном уровне между советской властью и церковью. Крестьянство выступало против обложения духовенства налогами, хлебозаготовками. 6 июля 1929 г. в с. Трубетчино Лунинского района жители выступали за освобождение от вывоза излишков священнослужителя: «Если вам поп не нужен, то не трогайте его, зачем вы его обдираете, мучайте уж крестьян, а его оставьте в покое» [8, л. 155]. 12 июня 1929 г. в с. Кирилловке Лунинского района во время вы-

ступления крестьяне требовали освобождения попа от хлебозаготовок [8, л. 153]. 5 июня в с. Симбухово Мокшанского района, узнав о выселении из коммунального дома местного священника за неуплату квартплаты, взбунтовалось местное население, в результате чего членов комиссии содействия по сельскому хозяйству схватили в заложники, требуя отдать батюшку. После этих событий при встрече толпы с батюшкой некоторые жители кричали: «Батюшка-мученик» [8, л. 150, 151]. Показательна реакция женщин на арест попа в октябре 1929 г. в с. Троицком Башмаковского района: «Вы хотите задушить нашу религию, пойдемте бить в набат» [9, л. 82].

Наибольшее сопротивление вызывалось закрытием церквей или даже слухами об этом. Так, 25 мая 1929 г. в с. Покровская Варежка техник, представители местного церковного совета, священник, представители сельсовета обследовали церковь на предмет ветхости здания. Из-за страха закрытия церкви местное население взбунтовалось, собралось до 1500 человек [8, л. 147, 148]. 17 марта 1930 г. в с. Выборное около 500 человек выступили против описи имущества церкви и ее закрытия [10, л. 1]. В октябре 1929 г. в с. Покровская Арчада Кучко-Еланского района Пензенского округа во время похорон одного крестьянина начали распространяться слухи о закрытии церкви, в результате около 100 человек направились к сельсовету, кричали: «Вы хлеб отбираете, хотите еще закрывать у нас церковь» [9, л. 7]. Волнения и бунты из-за закрытия церквей были распространены по всей стране. Так, в сводке начальника VI отделения Секретного отдела ОГПУ Е. А. Тучкова от 4 июля 1924 г. об «эксцессах на почве закрытия церквей и действий комсомольцев» указывается, что в разных губерниях страны происходили выступления, в том числе с применением насилия [6, с. 446–448].

Закрытие церквей на фоне усугубляющихся социальных противоречий в деревне толкало крестьянство к активным действиям. В с. Нечаевке Мокшанского района 2 декабря 1929 г. уполномоченный по хлебозаготовкам инициировал пленум сельсовета, где постановили закрыть церковь. Это привело к массовому недовольству местного населения. Собралось более 200 женщин, готовых учинить самосуд над сельсоветом. Они разошлись только тогда, когда было объявлено, что церковь не закрывают, а временно используют для ссыпки зерна [9, л. 121]. 7 января 1930 г. в с. Покровском Башмаковского района из-за закрытия церкви произошло массовое выступление крестьян, которые обезоружили милиционера, под угрозой убийства был председатель сельсовета [9, л. 129]. В мае 1929 г. в с. Грязнухе Чембарского района после запрещения устройства молебна по поводу выгона скота на поле местные жители высказали свое недовольство, разогнать собравшихся удалось, только угрожая охотничьим ружьем [11, л. 3].

Закрытию религиозных учреждений сопротивлялись и последователи ислама. Так, в с. Решетино Пачелмского района 30 мая 1929 г. из-за слухов о предстоящем закрытии мечети собралось 300–400 человек, часть из которых была вооружена дубинками [8, л. 149].

Недовольство вызывало и занятие церквей под какие-либо хозяйственные нужды, например для ссыпки хлеба. Крестьяне предлагали взамен использовать свои пустующие амбары [8, л. 157].

Однако не всегда взаимоотношения церкви и советской власти были конфронтационными. Хотя они и являлись идеологическими соперниками,

порой удавалось найти компромисс. При этом местное население могло воспринять это как предательство. Так, 18 ноября 1929 г. в с. Чернозерье Мокшанского района на пленуме сельсовета было постановлено занять церковь под ссыпку хлеба, о чем сельсовет договорился с церковным советом. Однако в течение двух дней женщины по 20 человек толпились около церкви, проклинали церковный совет в продаже церкви [9, л. 121]. В с. Елизаветино Мокшанского района церковь также была занята под ссыпку хлеба. При этом крестьяне не возражали. Однако когда сняли крест и повесили красный флаг, вспыхнуло недовольство населения. Но все же удалось достичь компромисса: церковь открыли с установлением санного пути с отгрузкой хлеба [9, л. 121].

Межличностные отношения представителей партии и церкви могли быть совершенно противоположны политике советской власти. В 1924 г. член партии был обвинен в том, что рекомендовал на службу в уездный отдел народного образования священника и скрыл в рекомендации, что тот был священником [12, л. 163].

Нужно учитывать позицию и личностные качества не только представителей власти, но и священнослужителей. В докладной записке с. Николаевка в июне 1929 г. отмечалось: «Поп, хотя антисоветской пропаганды не ведет, но церковь каждый праздник бывает полной народом. По отзывам обывателей, поп красиво говорит проповеди, не задевая советской власти» [11, л. 7].

В 1920-х гг. продолжали строить церкви. Так, в докладной записке в октябре 1928 г. отмечалось, что недавно была построена церковь в селе Сергеевке, недалеко от Загоскино бывшей Еланской волости [3, л. 35 об.].

Наиболее яркий пример сотрудничества представителей советской власти и церкви в 1920-х гг. можно найти в с. Русская Норка Кондольского района Пензенского округа. В докладной записке от 29 октября 1929 г. начальнику Пензенского окротдела ОГПУ сообщалось о политэкономическом состоянии села [9, л. 71].

Увиденное поразило коммунистического активиста. Отмечалось, что «крестьяне села не знают, что на свете существует кино и не имеют о нем представления, но зато в течение трех лет строится огромнейшая (в деревенских условиях) церковь, на которую уже затрачено несколько десятков тысяч рублей» [9, л. 71 об.]. При этом средства на постройку церкви собирались с благословения сельсовета и при его прямом участии, а саратовский музей «снабдил строящуюся церковь иконами взамен различных атрибутов из мордовского домашнего обихода» [9, л. 71 об.]. Представители сельсовета и церковной организации не скрывали своих хороших взаимоотношений. Для строительства церкви при деятельном участии сельсовета использовали общественный сосновый бор русско-норкинских крестьян. При этом перевозка бревен производилась бесплатно силами крестьян. Когда не хватало строевого материала для церкви, церковный совет занимал его у сельсовета, а когда сельсовет ремонтировал свое здание, то гвозди, тес и другие предметы занимал у церковного совета [9, л. 72].

В с. Русская Норка представители церкви и сельсовет жили «душа в душу». Интересно, что псаломщик с гордостью заявил, что во время похорон Владимира Ильича церковный хор был приглашен сельсоветом исполнять похоронный марш [9, л. 72]. Этот случай интересен и позицией сельсовета, и отношением к этому псаломщика.

Вышеуказанные примеры хоть и не являлись массовыми, однако показывают, что компромисс между властью и церковью или даже взаимовыгодное сотрудничество в рассматриваемый период были возможны и зависели, особенно в сельской местности далеко от центральной власти, от позиций представителей местных властей и церковной организации.

Таким образом, в период с середины 1920-х гг. до начала 1930-х гг. в истории взаимоотношений Советского государства и церкви произошло ослабление конфронтации, что во многом было связано с изменением направления политики Советского государства в целом. Хотя церковь оставалась идеологическим и политическим конкурентом для советской власти, однако в этот период антирелигиозная деятельность сводилась, как правило, к постановке массовых докладов и лекций представителями Союза воинствующих безбожников. На местном уровне характер взаимоотношений представителей власти и церковных организаций в значительной степени зависел от межличностных взаимоотношений. С конца 1920-х гг. стали меняться взаимоотношения между советской властью и представителями церкви. Они начали снова обостряться, что во многом было обусловлено сворачиванием НЭПа и изменением социально-экономической ситуации.

Библиографический список

1. **Сухова, О. А.** Строительство нации в СССР в 1920-е гг.: утопия или эффективная модель социальной инженерии? / О. А. Сухова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 35–45.
2. **Попова, О. В.** Взаимоотношения церкви и государства в СССР: традиции и опыт / О. В. Попова // Метаморфозы истории. – 2002. – № 2. – С. 219–245.
3. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 54. Оп. 1. Д. 170.
4. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 110.
5. **Курляндский, И. А.** Сталин и религиозный вопрос в политике большевистской власти (1917–1923 гг.) / И. А. Курляндский // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2, История. История РПЦ. – 2012. – № 48. – С. 72–84.
6. Архивы Кремля : в 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. – М. ; Новосибирск : РОССПЭН : Сибирский хронограф, 1997. – 597 с.
7. **Поспеловский, Д. В.** Русская православная церковь в XX веке / Д. В. Поспеловский. – М. : Республика, 1995. – 511 с.
8. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 136.
9. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 338.
10. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 381.
11. ГАПО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 34.
12. ГАПО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 101.

References

1. Sukhova O. A. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2015, no. 1 (33), pp. 35–45.
2. Popova O. V. *Metamorfozy istorii* [Historical metamorphoses]. 2002, no. 2, pp. 219–245.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (dalee – GAPO)* [The State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. 54. Op. 1. D. 170.
4. *GAPO*. F. 54. Op. 1. D. 110.

5. Kurlyandskiy I. A. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. Istoriya RPTs* [Bulletin of Orthodox Svyato-Tikhonovsky Humanitarian Monastery. Series 2, The History of the Russian Orthodox Church]. 2012, no. 48, pp. 72–84.
6. *Arkhivy Kremlya: v 2 kn. Kn. 1. Politbyuro i tserkov'. 1922–1925 gg.* [The Kremlin Archive: in 2 books. Book 1. The Political Bureau and the church. 1922–1925]. Moscow; Novosibirsk: ROSSPEN: Sibirskiy khronograf, 1997, 597 p.
7. Pospelovskiy D. V. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. Moscow: Respublika, 1995, 511 p.
8. *GAP0*. F. 54. Op. 1. D. 136.
9. *GAP0*. F. 54. Op. 1. D. 338.
10. *GAP0*. F. 54. Op. 1. D. 381.
11. *GAP0*. F. 54. Op. 1. D. 34.
12. *GAP0*. F. 36. Op. 1. D. 101.

Гущин Александр Анатольевич
аспирант, Пензенский государственный
университет (Россия, г. Пенза,
ул. Красная, 40)

Gushchin Aleksandr Anatol'evich
Postgraduate student, Penza State
University (40 Krasnaya street, Penza,
Russia)

E-mail: Alone-87@yandex.ru

УДК 947

Гущин, А. А.

Взаимоотношения советской власти и церкви в сельской местности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. (на материалах Пензенского округа Средне-Волжской области) / А. А. Гущин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1 (41). – С. 32–39. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-1-4